

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
И СОЦИАЛЬНЫЙ СОВЕТ**

Distr.
GENERAL

E/CN.4/2006/6/Add.3
23 September 2005

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИССИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
Шестьдесят вторая сессия
Пункт 11 а) предварительной повестки дня

**ГРАЖДАНСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА, ВКЛЮЧАЯ
ВОПРОСЫ ПЫТОК И ЗАДЕРЖАНИЙ**

**Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках
и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство
видах обращения и наказания Манфреда Новака**

МИССИЯ В ГРУЗИЮ*

* Резюме доклада об этой миссии распространяется на всех официальных языках. Сам доклад содержится в приложении к резюме и распространяется на языке представления и на русском языке. Добавление распространяется только на английском языке.

Резюме

По приглашению правительства Грузии Специальный докладчик по вопросу о пытках осуществил 19-25 февраля 2005 года поездку в Грузию в рамках своего мандата. Специальный докладчик выражает свою признательность правительству за оказанное ему всестороннее содействие в ходе миссии. В настоящем докладе рассматриваются правовые и фактологические аспекты, касающиеся положения в области пыток или жестокого обращения в Грузии. Специальный докладчик делает вывод о сохранении практики пыток в Грузии, чему способствует главным образом обстановка безнаказанности. Специальный докладчик посетил также Абхазию и Южную Осетию, где он выразил беспокойство по поводу существующих условий содержания под стражей. В Абхазии, в частности, он высказал беспокойство в отношении применения смертной казни, несмотря на ныне действующий мораторий, а также условий содержания заключенных в блоке смертников. Соответственно он рекомендует властям принять ряд мер с целью предупреждения и пресечения актов пыток и других проявлений жестокого обращения.

Специальный докладчик отмечает положительные примеры мер, принятых правительством Грузии, например создание механизмов контроля для посещения мест содержания под стражей. Он указывает, что получил четкие гарантии от правительства, которое заверило его в том, что его рекомендации будут изучены самым серьезным образом. Он считает поездку плодотворным началом сотрудничества во имя достижения общей цели искоренения пыток и жестокого обращения в стране. Специальный докладчик приветствует происшедшие после его поездки изменения, некоторые из которых были рекомендованы в его предварительной записке о миссии (E/CN.4/2005/62/Add.3), такие, как внесение поправки в Уголовный кодекс с целью приведения определения преступления пытки в соответствие с Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, присоединение Грузии к Факультативному протоколу к Конвенции и признание компетенции Комитета против пыток рассматривать жалобы отдельных лиц. Эти изменения служат доказательством сотрудничества правительства в данной области.

Приложение

**ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА ПО ВОПРОСУ О ПЫТКАХ
И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ
ДОСТОИНСТВО ВИДАХ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ
МАНФРЕДА НОВАКА О ЕГО МИССИИ В ГРУЗИЮ
(19-25 февраля 2005 года)**

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
ВВЕДЕНИЕ	1 - 9	4
I. ПРАВОВАЯ ОСНОВА	10 - 27	6
II. СИТУАЦИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПЫТОК И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ	28 - 39	11
III. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ.....	40 - 51	15
IV. АБХАЗИЯ	52 - 54	19
V. ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ.....	55 - 56	20
VI. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ.....	57 - 62	21
Добавление - Individual cases.....		26

Введение

1. По приглашению правительства, которое изначально было сделано в феврале 2002 года, но которое не удалось реализовать по не зависящим от правительства обстоятельствам, Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Манфред Новак 19-25 февраля 2005 года осуществил поездку в Грузию. Ниже содержится доклад с изложением его мнений, выводов и рекомендаций. Специальный докладчик рассмотрел правовую основу и деятельность правительства в области запрещения пыток и других проявлений жестокого обращения. Он также проанализировал ответ правительства на утверждения о нарушениях, в частности применительно к расследованиям, безнаказанности и мерам профилактики. Специальный докладчик составил свое представление о положении в области применения пыток и жестокого обращения в Грузии на основе письменной информации и бесед с широким кругом заинтересованных сторон, включая государственных должностных лиц, НПО, адвокатов и самих потерпевших, а также результатов непосредственного посещения мест содержания под стражей. Он выразил свою признательность правительству за предоставление запрошенной им подробной информации, а также дополнительных обновленных материалов в письмах от 23 марта, 9 июля и 15 августа 2005 года.

2. Поездка в Грузию стала его первой миссией после назначения Специальным докладчиком 1 декабря 2004 года. За неделю своего пребывания в Грузии он также посетил Абхазию и Южную Осетию, которые не контролируются правительством. По мнению Специального докладчика, главные цели поездки заключались в оценке ситуации с точки зрения применения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, содействии созданию превентивных механизмов для искоренения пыток и жестокого обращения и налаживании сотрудничества с правительством.

3. Специальный докладчик отметил большие и стремительные перемены, развернувшиеся в стране после победы "Революции роз" в конце 2003 года, которые он считает заслугой нового руководства, пришедшего к власти на платформе прав человека и демократических принципов. Он отметил, в частности, приверженность правительства и предпринятые им усилия в деле борьбы против коррупции, поддержания законности и реформирования правоохранительных органов и системы уголовной юстиции. Он признал социально-экономические проблемы, стоящие перед страной, и сохраняющиеся конфликты на ее территории. Вместе с тем Специальный докладчик также отметил продолжающие поступать достоверные и подкрепленные надежными доказательствами сообщения о пытках и жестоком обращении. Осознавая масштабы и темпы проводимых

реформ, Специальный докладчик подчеркнул, что они должны осуществляться при полном соблюдении международного права прав человека, включая уважение принципа абсолютного запрещения пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и наказания.

4. За время пребывания в стране Специальный докладчик встретился с президентом М. Саакашвили, министром иностранных дел г-жой С. Зурабишвили, Председателем парламента г-жой Н. Бурджанадзе, Председателем парламентского комитета по защите прав человека и гражданской интеграции г-жой Е. Тевдорадзе, Председателем парламентского комитета по внешним связям г-ном К. Габашивили, членом парламентского комитета по юридическим вопросам г-жой К. Махарашвили, заместителем министра юстиции г-жой Э. Ткешелашвили, заместителем министра внутренних дел г-ном Б. Брегадзе, заместителем секретаря Совета национальной безопасности г-ном К. Коркелия, генеральным прокурором г-ном З. Адеишвили и народным защитником г-ном С. Субари, а также другими должностными лицами.

5. Кроме того, он также встретился с представителями многочисленных правозащитных неправительственных организаций (НПО), включая Американскую ассоциацию адвокатов ("Правовая инициатива Центральной Европы и Евразии"), "Союз 42-й статьи Конституции", ассоциацию "Бывшие политзаключенные - за права человека", Грузинский центр психосоциальной и медицинской реабилитации жертв пыток", Грузинский комитет против пыток, Грузинская медицинская ассоциация, Грузинская ассоциация молодых юристов, Центр информации и документации по вопросам прав человека, "Институт свободы", организацию "Открытое общество - правовая реформа", Международную организацию за реформу уголовного правосудия, Центр реабилитации жертв пыток "Эмпатия", а также адвокатами и судебными экспертами.

6. Специальный докладчик встретился с членом Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от Грузии г-ном Э. Сванидзе и представителями международных организаций, присутствующих в Грузии, включая Европейский союз, Международный комитет Красного Креста, Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и страновую группу Организации Объединенных Наций.

7. В Абхазии Специальный докладчик встретился с де-факто заместителем министра внутренних дел г-ном Г. Леонидом и начальником и заместителем начальника следственного изолятора министерства внутренних дел. Он также встретился с представителями абхазского отделения по правам человека Миссии Организации Объединенных Наций по наблюдению в Грузии (МООННГ); представителями НПО,

включая Фонд "Гражданская инициатива и человек будущего", Центр гуманитарных программ и Абхазское отделение Красного Креста; адвокатами и работниками средств массовой информации.

8. В Южной Осетии Специальный докладчик имел встречу с де-факто министром иностранных дел г-ном М. Джиевым, уполномоченным по правам человека г-ном Д. Санакоевым, де-факто министром юстиции г-ном М. Чигоевым и начальниками департаментов министерства юстиции по делам пенитенциарных учреждений и по соблюдению прав человека, а также руководителем местного отделения ОБСЕ в Цхинвали г-ном Г. Ганчевым. Он также встретился с представителями НПО, включая Ассоциацию женщин Южной Осетии за демократию и права человека и организацию "Закон выше власти".

9. Специальный докладчик поблагодарил правительство за превосходное сотрудничество в связи с его визитом, в том числе в контексте содействия проведению встреч и полного соблюдения согласованной программы визита. Он также выразил свою признательность за оказанную помощь координатору-резиденту Организации Объединенных Наций г-ну Л. Кларку и г-же Н. Черкизишвили; абхазскому отделению по правам человека МООННГ в Грузии, и в частности г-ну В. Стефанову, г-же А. Бёхлер и г-же И. Нижинской; ОБСЕ, и в частности послу Р. Риву, г-же И. Мут и г-ну Ж. Плантиво; и Управлению Верховного комиссара по правам человека, в частности г-ну С. Сайеду, сопровождавшему Специального докладчика во время поездки.

I. ПРАВОВАЯ ОСНОВА

A. Международный и региональный уровни

10. Грузия является участником основных договоров по правам человека Организации Объединенных Наций, запрещающих пытки: Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и Конвенции о правах ребенка. Грузия также ратифицировала оба Факультативных протокола к МПГПП. Грузия также является участником Женевских конвенций от 12 августа 1949 года и Римского статута Международного уголовного суда.

11. На региональном уровне Грузия является участником Европейской конвенции о правах человека и Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Европейский комитет по предупреждению пыток (ЕКПП) проводил миссии в Грузию в 2001, 2003 и 2004 годах¹.

В. Национальный уровень

1. Права человека

12. В статье 6 (2) Конституции 1995 года с внесенными в нее впоследствии поправками предусматривается, что законодательство Грузии соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права. Международные договоры или соглашения Грузии, которые не противоречат Конституции Грузии, имеют преимущественную силу по отношению к внутригосударственным нормативным актам. В статье 7 Конституции отмечается, что Грузия "признает и охраняет общепризнанные права и свободы человека как непреходящие и высшие человеческие ценности. При осуществлении власти народ и государство связаны этими правами и свободами как непосредственно [действующим] правом". В Конституции 1995 года содержится глава, посвященная правам человека, а именно Глава вторая, статьи 12-47.

2. Запрещение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания

13. Запрещение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания предусмотрено Конституцией: статья 17 (2) гласит следующее: "Пытки, [и] бесчеловечное, [или] жестокое обращение и наказание или обращение и наказание, подразумевающие посягательство на честь и достоинство, не допустимы". Кроме того, в статье 18 (4) отмечается, что "не допускается физическое или психическое принуждение задержанного [лица] или иным образом ограниченного в свободе лица".

14. В статье 126 (1) Уголовного кодекса (УК) 1999 года с поправками, внесенными вплоть до 31 января 2002 года, под преступлением пытки подразумеваются "систематическое избиение или иное насилие, причинившее физическое или психическое страдание потерпевшему, но не повлекшее последствий, предусмотренных статьями 117 и 118 [а именно, умышленное причинение соответственно тяжкого и средней тяжести вреда здоровью]". Помимо этого, о пытках конкретно упоминается лишь в статье 335, касающейся принуждения к даче показаний.

¹ См. доклады о миссиях Комитета 6-18 мая 2001 года (СРТ/Inf(2002) 14 и СРТ/Inf(2004) 1), 18-28 ноября 2003 года и 7-14 мая 2004 года (СРТ/Inf(2005) 12).

15. Различные другие положения Кодекса криминализируют следующие деяния, которые могут подпадать под сферу действия Конвенции: умышленное причинение легкого вреда здоровью (статья 120); причинение вреда здоровью сверх меры, необходимой для задержания преступника (статья 123); нападение и нанесение побоев (статья 125); изнасилование (статья 137); насильственные действия сексуального характера (статья 138); принуждение (статья 150); угрозы (статья 151); и превышение служебных полномочий (статья 333).

16. Однако даже по мнению самого правительства, определение пыток, закрепленное уголовным правом Грузии, не удовлетворяет требованиям, изложенным в статье 1 Конвенции². В частности, понятие преступления пытки, как представляется, ограничивается физическим насилием и не охватывает критерий умышленного причинения сильной боли или страдания с конкретной целью, такой, как получение признания, запугивание или наказание³.

3. Меры защиты от пыток и жестокого обращения при аресте и содержании под стражей

17. Статья 18 Конституции предусматривает, в частности, следующие меры защиты на случай ареста и задержания: недопустимость содержания под стражей без распоряжения суда; обеспечение того, чтобы задержанный в течение 48 часов предстал перед судом; ограничение срока задержания, который не может превышать 72 часов и максимальной продолжительности предварительного заключения, которое не может превышать 9 месяцев⁴; недопустимость физического или психического принуждения; и право на защиту при аресте. Статья 42 подтверждает право на защиту и предусматривает недопустимость использования показаний, полученных с нарушением закона.

² Второй периодический доклад Грузии Комитету по правам человека (CCPR/C/GEO/2000/2), пункт 113. См. также заключительные замечания Комитета против пыток (A/56/44, пункт 82 а) и заключительные замечания Комитета по правам человека (CCPR/CO/74/GEO), пункт 8.

³ 23 июня 2005 года в статью 144 Уголовного кодекса была внесена поправка, направленная на то, чтобы привести определение пытки в соответствие с Конвенцией и установить за это преступление меру наказания в виде лишения свободы сроком от 7 до 15 лет.

⁴ В соответствии с поправками, которые были внесены в Уголовно-процессуальный кодекс 25 марта 2005 года и вступят в силу 1 января 2006 года, максимальный срок содержания под стражей до суда будет сокращен до четырех месяцев.

18. Права подозреваемых и задержанных лиц, изложенные в Конституции, дополнительно рассматриваются в следующих статьях Уголовно-процессуального кодекса (УПК) 2004 года: 12 (защита чести и достоинства); 72 (подозреваемые лица); 73 (права подозреваемых); 136 (права задержанных лиц, в частности пункты 4-8, касающиеся гуманного обращения, условий содержания под стражей, незаконности жестокого обращения, встреч с адвокатом); 138 (уведомление об аресте); 145 (порядок ареста); 146 (протоколирование и рассмотрение обстоятельств ареста); 295 (место для проведения допроса); 302 (продолжительность допроса); 304 (использование звукозаписывающей аппаратуры); 310 и 311 (допрос подозреваемых и обвиняемых); 312 (протокол допроса) и 313 (письменные показания). Статья 19 УПК предусматривает, что признания без подкрепляющих доказательств недостаточно для осуждения конкретного лица, а статья 119 предусматривает, что доказательства, полученные путем физического и психического принуждения, являются недопустимыми.

4. Расследование актов пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и наказания, предусмотренные за эти деяния

а) Жалобы

19. Право на подачу жалобы предусмотрено в статье 73(1) j) УПК.

б) Расследования

20. Жалобы по поводу актов пыток и жестокого обращения, совершенных государственными должностными лицами, могут быть поданы в полицию, главному инспектору министерства внутренних дел, в министерство юстиции, прокуратуру, суд и народному защитнику, и прокуратура уполномочена их расследовать в соответствии со статьями 45, 62 и 263 УПК. Даже при отсутствии жалобы власти обязаны в соответствии со статьями 24, 261, 263 и 264 УПК проводить расследования по факту преступления, например в случаях, когда они узнают об этом от неправительственных организаций или через средства массовой информации.

21. Согласно статьями 21, 69 и 234 УПК жертвам гарантируется право на получение информации о ходе расследований, право на представление доказательств и право на обжалование официальных актов или решений во время расследований.

22. В рамках Закона 1996 года о народном защитнике жалоба может быть также подана народному защитнику. В процессе проведения расследований, согласно статье 18 указанного закона, он, в частности, вправе беспрепятственно посещать любые места лишения свободы, включая воинские подразделения, а также изоляторы временного содержания в полиции и места предварительного заключения; знакомиться с документацией; и использовать механизм независимых экспертных оценок. В соответствии со статьей 21 по завершении расследования народный защитник может препроводить свои выводы компетентным властям с рекомендацией о возбуждении уголовного дела.

с) Меры наказания

23. Преступление пытки наказывается лишением свободы на срок до трех лет. Статья 126(2) устанавливает более строгие меры наказания, предусматривая лишение свободы на срок от трех до шести лет при наличии особых обстоятельств, например в случае использования виновным своего служебного положения⁵. За другие соответствующие преступления установлены, в частности, следующие меры наказания: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (статья 117) - лишение свободы на срок до 12 лет; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (статья 118) - лишение свободы на срок до пяти лет; умышленное причинение легкого вреда здоровью (статья 120) - лишение свободы на срок до одного года; причинение вреда здоровью сверх меры, необходимой для задержания преступника (статья 123) - лишение свободы на срок до одного года; нападение и нанесение побоев (статья 125) - лишение свободы на срок до двух месяцев; изнасилование (статья 137) - лишение свободы на срок до 15 лет; насильственные действия сексуального характера (статья 138) - лишение свободы на срок до 15 лет; принуждение (статья 150) - лишение свободы на срок до одного года; угрозы (статья 151) - лишение свободы на срок до трех месяцев; превышение служебных полномочий (статья 333) - лишение свободы на срок до пяти лет; и принуждение к даче показаний (статья 335) - лишение свободы на срок до восьми лет.

24. В соответствии со статьей 71 УК для упоминаемых в пункте 23 появлений жестокого обращения, за которые максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы, срок давности составляет два года после совершения преступления; в других случаях срок давности истекает через 10 лет с момента совершения преступления.

25. В статье 202 (3) УПК предусматриваются дисциплинарные меры наказания должностных лиц.

⁵ См. сноску 3.

d) Компенсация

26. Статья 42 (9) Конституции гарантирует право на компенсацию в случае пыток и жестокого обращения.

27. В соответствии со статьей 30 УПК любое лицо может подать гражданский иск с требованием предоставления компенсации в связи с уголовным делом. Кроме того, в соответствии со статьями 219-229 УПК гарантируется право требовать реабилитации и компенсации за ущерб, причиненный незаконными действиями органов уголовного преследования.

II. СИТУАЦИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПЫТОК И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

A. Практика пыток и жестокого обращения

28. Несмотря на указанные выше нормативно-правовые положения, касающиеся запрещения пыток и жестокого обращения, практика пыток и жестокого обращения, как признало само правительство, в стране сохраняется⁶. Так, за прошедшие годы Специальный докладчик получил многочисленные сообщения о пытках и жестокое обращении в Грузии⁷. В ходе миссии до сведения Специального докладчика было доведено значительное число недавних сообщений лиц, с рядом которых он лично беседовал⁸,

29. Подавляющему большинству сообщений, на которые было обращено внимание Специального докладчика, присущи общие особенности. В них говорится о применении чрезмерной силы сотрудниками правоохранительных органов и о нарушениях мер защиты, предусмотренных на случай ареста и содержания под стражей, включая отсутствие доступа к адвокату или удовлетворительного медицинского осмотра при поступлении в места содержания под стражей. Пытки и жестокое обращение практиковались главным образом в первые 72 часа содержания под стражей в полиции (т.е. в полицейских участках и изоляторах временного содержания, находящихся в

⁶ См. доклады государства-участника Комитету против пыток (CAT/C/48/Add.1), пункт 21, и Комитету по правам человека (CCPR/C/GEO/2002/2), пункт 140.

⁷ Во время миссии предыдущие сообщения, на которые не было получено ответов, были повторно доведены до сведения правительства, и оно ответило на большинство из них в письме от 22 марта 2005 года (см. соответствующую страновую рубрику в добавлении, посвященном сообщениям, документ E/CN.4/2006/Add.1).

⁸ Информацию по отдельным делам см. в добавлении.

ведении министерства внутренних дел) для получения признаний в совершении предположительных преступлений. Методы пыток включали в себя нанесение ударов кулаками, прикладами и дубинками, применение электрошока и прижигание тела сигаретами; увечья, причиненные потерпевшим, включали в себя, в частности, переломы, ожоги от прижигания сигаретами, шрамы и нервно-психические расстройства.

30. Учитывая свои встречи с должностными лицами, адвокатами и независимыми судебно-медицинскими экспертами, а также обоснованную информацию, полученную от НПО, свои посещения мест содержания под стражей и беседы с задержанными лицами, Специальный докладчик делает вывод о том, что сотрудники правоохранительных органов в Грузии по-прежнему практикуют пытки и жестокое обращение.

В. Безнаказанность

31. Специальный докладчик отмечает значительное расхождение между количеством сообщений о пытках и жестком обращении и количеством проведенных расследований и доведенных до конца судебных преследований. Хотя понятие преступления пытки, пусть даже не столь четко определенное (см. пункты 14 и 16), существует, ни один полицейский не был осужден за совершение такого деяния, и было вынесено лишь незначительное число обвинительных приговоров за другие преступления, которые могут иметь отношение к пыткам (например, преступления, перечисленные в пункте 15). Вместе с тем в письме от 9 июля 2005 года правительство проинформировало Специального докладчика о том, что за прошедшее время по четырем делам 10 полицейских были признаны виновными на основании статьи 333 (а именно за превышение служебных полномочий неоднократно и с применением насилия, а также с оскорблением личного достоинства потерпевшего) и приговорены к лишению свободы на срок от трех до семи лет. С другой стороны, имеется ряд примеров использования в интересах сотрудников полиции системы полюбовного урегулирования проблемы признания вины (т.е. когда потерпевший соглашается на предложение прокурора об определенном сотрудничестве или выплате ему взаимосогласованной денежной суммы, при том что он не будет выдвигать обвинений против полиции). В иных случаях, если по делам полицейских проводится служебное расследование в рамках министерства внутренних дел, то виновные подвергаются дисциплинарным мерам наказания, таким, как перевод на другую работу, временное отстранение от занимаемой должности или увольнение со службы.

32. Он также принимает к сведению статистику министерства юстиции, которая указывает на то, что в период с декабря 2003 года по март 2005 года в центры предварительного заключения в Грузии поступили 558 человек с телесными повреждениями, тогда как, согласно НПО "Институт свободы", за тот же период только в

тюрьму № 1 было помещено 1 067 человек с телесными повреждениями. Даже если руководствоваться более осторожными данными с учетом указанного количества, являющегося достаточно высоким, возникает беспокойство в связи с тем, что не все телесные повреждения можно объяснить членовредительством или последствиями оказания сопротивления при аресте, как часто отмечает прокуратура.

33. По мнению Специального докладчика, основной причиной сохранения пыток и жестокого обращения выступает безнаказанность. Такая безнаказанность в Грузии будет по-прежнему сохраняться ввиду неспособности эффективно решить проблему. Анализируя ответ властей на утверждения о пытках, Специальный докладчик определил ряд ключевых недостатков.

34. Зачастую из-за боязни перед репрессиями против их самих или членов их семей, а также вследствие морального и физического изнеможения и психологического шока предполагаемые жертвы пыток могут быть не готовы рассказать о причиненном им вреде, обратиться с просьбой о проведении медицинского освидетельствования или прохождении лечения, подать жалобу или опознать преступников, причем даже перед судьей. И несмотря на то, что судьи и прокурорские работники в силу занимаемой должности обязаны проводить разбирательства или расследования по факту утверждений о пытках, в отсутствие жалобы не принимаются никаких дальнейших мер, включая санкционирование судебно-медицинской экспертизы. Аналогичным образом не предпринимается никаких дальнейших действий в тех случаях, когда потерпевший не хочет проводить опознание преступников. Кроме того, отсутствуют адекватные и эффективные методы защиты потерпевших и свидетелей, предполагающие, например, их перевод в другое охраняемое учреждение или обеспечение их большей безопасности.

35. Расследования по факту утверждений о пытках зачастую затягиваются, в частности в том, что касается медицинского освидетельствования. В процессе проведения расследований случаев пыток не обеспечено равенство возможностей между судебными экспертами, работающими в государственном Центре судебной экспертизы, и независимыми судебно-медицинскими экспертами.

36. Приступая к расследованию актов пыток, совершенных полицией, прокуратура, выступая в качестве одной из ветвей исполнительной власти, неизбежно сталкивается с коллизией интересов в том смысле, что она должна также сотрудничать с полицией в борьбе против преступности. На самом деле в ряде сообщений указывалось, что следователи прокуратуры были замешаны в пытках при проведении уголовных расследований. Кроме того, был получен ряд сообщений, в которых утверждалось, что прокурорские работники побуждали потерпевших к заключению соглашений о

полюбовном урегулировании проблемы признания вины без выдвижения обвинений по факту жестокого обращения со стороны полиции. Потерпевшие шли на такие соглашения, на которые суды редко обращают должное внимание, в обмен на послабления применительно к сроку предварительного заключения или дальнейшему судебному преследованию за предположительно совершенные ими преступные деяния. Роль народного защитника в деле разбирательства жалоб о пытках (см. пункт 22) сводится исключительно к направлению в прокуратуру рекомендаций о возбуждении уголовного дела.

37. Специальный докладчик отмечает наличие весьма ограниченных данных, свидетельствующих об обеспечении реституции, компенсации или реабилитации в интересах жертв пыток и грубого обращения со стороны правительства. С учетом этого он по достоинству оценивает ту прекрасную работу, которую ведут некоторые НПО в области реабилитации и оказания консультативной поддержки для жертв пыток.

С. Профилактика

38. Специальный докладчик отмечает, что в стремлении искоренить коррупцию и восстановить доверие населения к правоохранительным органам правительство в период до июля 2004 года в массовом порядке уволило со службы приблизительно 16 000 полицейских. В августе 2004 года им на смену пришли свежие полицейские кадры, или сотрудники "патрульной полиции", которые были на оперативной основе набраны из числа выпускников высших учебных заведений и которым были предоставлены дополнительные ресурсы, включая новое снаряжение и транспортные средства, а также установлена более высокая заработная плата. В целом население горячо приветствовало эту инициативу. Однако существует беспокойство по поводу того, что вновь принятые на работу сотрудники не проходят надлежащую подготовку. В частности, высказывается обеспокоенность в связи с возможным будущим возвратом к практике коррупции и злоупотреблений среди полицейских, учитывая тот факт, что в процессе двухнедельной подготовки новые полицейские не приобретают надлежащих навыков и знаний по таким, в частности, вопросам, как правозащитные гарантии, порядок ареста и использование соответствующего снаряжения, эффективные методы допроса и обращения с огнестрельным оружием.

39. Специальный докладчик далее отмечает создание в Грузии ряда механизмов для инспектирования мест содержания под стражей. Статья 18 Закона 1996 года о народном защитнике Грузии предусматривает беспрепятственный доступ народного защитника во все места содержания под стражей. Недавно в рамках меморандума о договоренности между народным защитником и министерством внутренних дел была предпринята

попытка укрепить такую систему контроля, в том числе путем создания региональных контрольных органов для проведения инспектирования, в состав которых во многих случаях будут входить представители НПО и деятельность которых будет координироваться народным защитником. В соответствии со статьей 52 Закона 1999 года о лишении свободы в августе 2004 года на основании указа был учрежден назначаемый президентом и включающий в себя представителей гражданского общества общественный наблюдательный совет, в состав которого вошел 21 член. Установленные положения предусматривают, в частности, что специально уполномоченные на то президентом лица вправе без запрашивания предварительного разрешения посещать пенитенциарные учреждения. Кроме того, Председатель парламентского комитета по защите прав человека и гражданской интеграции проинформировала Специального докладчика о том, что она регулярно инспектирует места лишения свободы. Специальный докладчик также принимает к сведению информацию о том, что предусматриваются совместные посещения мест лишения свободы представителями Совета национальной безопасности, министерства внутренних дел, генеральной прокуратуры и народного защитника. Хотя эти механизмы в определенной мере могут способствовать предупреждению пыток и жестокого обращения, их нынешний порядок функционирования обнаруживает целый ряд недостатков, проявлением которых в первую очередь служат во многом отличающиеся полномочия; отсутствие общей координации в их работе; отсутствие регулярной и систематической программы инспектирования мест лишения свободы, в том числе регулярного принятия последующих мер; ограниченные следственные полномочия; нехватка надлежащих ресурсов; и отсутствие независимого статуса, в частности, если говорить о деятельности назначаемого президентом совета.

III. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

40. Специальный докладчик рассматривал практику пыток и жестокого обращения в Грузии отдельно от общих условий содержания под стражей, которые он в целом счел весьма неудовлетворительными.

A. Места содержания под стражей, находящиеся в ведении министерства внутренних дел

41. После ареста подозреваемые сначала доставляются в полицейский участок, а затем переводятся в изоляторы временного содержания, где они могут находиться не более 72 часов.

42. 22 февраля 2005 года Специальный докладчик посетил райотдел полиции в Ваке-Сабуртало, расположенный на улице Аракишвили, Тбилиси, и второе отделение полиции в Ваке-Сабуртало на улице Важи Пшавелы. В райотделе полиции Специальный

докладчик встретился с дежурным офицером г-ном Г. Рогавой. Он отметил, что журнал учета лиц, содержащихся под стражей, ведется хорошо, но, что при наличии централизованного журнала учета происшествий по району аналогичный журнал проведенных арестов отсутствует. В отделении имелось две свободные камеры размером порядка 1,5 x 2 м, в каждой из которых стояла деревянная койка, но не было освещения и отхожего места. Согласно журналам учета, большинство задержанных содержались в этих камерах 2-3 часа до перевода в изолятор временного содержания главного управления внутренних дел города Тбилиси. Во втором отделении полиции в Ваке-Сабуртало Специальный докладчик встретился с его начальником г-ном А. Елошвили. В тот момент там шел ремонт. Один из опрошенных задержанных заявил, что с ним хорошо обращались, что он был информирован о своем праве иметь адвоката и имел возможность сообщить членам своей семьи об аресте; он также сказал, что, несмотря на ремонтные работы, он не чувствует особых неудобств.

43. 24 февраля 2005 года Специальный докладчик посетил изолятор временного содержания при главном управлении внутренних дел города Тбилиси, где встретился с дежурным офицером г-ном К. Хашишвили и заместителем начальника изолятора г-ном Ф. Чанкветадзе. Хотя во многих сообщениях о жестоким обращении, которые были получены Специальным докладчиком, указывалось, что задержанные подвергались жестокому обращению в помещениях, расположенных на верхних этажах здания, сотрудники заявили, что, кроме служебных кабинетов, там нет никаких других помещений. Было осмотрено восемь комнат для проведения допросов и 14 камер. В камерах было очень холодно, сыро, темно и грязно. Только в четырех камерах имелись нормальные койки, тогда как в других камерах был просто возведен дощатый настил для сна на некотором возвышении от пола. В качестве спальных принадлежностей были выданы лишь одеяла. Каждая камера была оборудована унитазом, отгороженным перегородкой высотой по пояс. В камерах не было ни туалетной бумаги, ни умывальника. Задержанные не жаловались на жестокое обращение. Однако условия их содержания были весьма неудовлетворительными.

В. Изолятор временного содержания министерства государственной безопасности

44. В изолятор временного содержания министерства государственной безопасности помещаются главным образом лица, подозреваемые в незаконном пересечении границы, нарушении визового/паспортного режима, терроризме и наркоторговле. В 2004 году министерство государственной безопасности было объединено с министерством внутренних дел.

45. 22 февраля 2005 года Специальный докладчик смог посетить этот изолятор, хотя для этого ему пришлось прождать почти 30 минут, причем надзиратели убеждали его в том, что причиной такой задержки послужило то, что они никак не могли разыскать начальника изолятора г-на В. Имедашвили. Ознакомившись с медицинскими документами и журналом учета задержанных, Специальный докладчик сделал вывод о том, что они ведутся плохо, и, в частности, в них не хватает некоторой необходимой информации. В изоляторе был совмещенный санузел, который, как представляется, содержался в чистоте и надлежащем техническом состоянии. В отдельном крыле располагались семь камер, в каждой из которых стояло двое двухъярусных нар, две табуретки, шахматная доска и кувшин для воды. Все камеры, которые на момент посещения пустовали, были чистыми и достаточно освещенными, и в них имелись чистые постельные принадлежности и полотенца. Несмотря на холодную погоду, форточки в двух камерах были открыты, и у Специального докладчика возникло сильное подозрение, что в одной из них недавно содержался заключенный.

С. Места содержания под стражей, находящиеся в ведении министерства юстиции

46. В местах содержания под стражей, находящихся в ведении министерства юстиции, в условиях общего или строгого режима содержатся лица, находящиеся в предварительном заключении, и осужденные.

47. 22 февраля 2005 года Специальный докладчик посетил новую тюрьму № 1, объединившую, в соответствии с принятым административным решением, прежние тюрьмы № 5 и тюрьму № 1, а также тюремный лазарет, расположенный на территории, прилегающей к тюремным блокам с камерами для заключенных. По словам начальника тюрьмы № 1 г-на М. Синаунридзе, в день посещения в тюрьме № 1 содержались 2 613 человек, в том числе 100 осужденных; подавляющее большинство составляли лица, содержащиеся под стражей до суда. Несмотря на проведенное объединение, фактически существуют обе тюрьмы и порядок функционирования которых не изменился. В здании бывшей тюрьмы № 5 камеры были переполнены сверх их реальной пропускной способности (Специальный докладчик отметил, что в одной из камер, в которой было установлено всего лишь 16 коек, содержался 41 заключенный); они плохо освещались, отапливались и проветривались; в них было сыро и грязно, особенно в совмещенном санузле; спальные принадлежности не отвечали установленным требованиям; стены были ветхими, а во многих оконных проемах с внешней стороны к решетке были прикреплены стальные листы, что не только ограничивало доступ света, но и, видимо, также мешало проветриванию помещений в теплое время года. Практически в аналогичных условиях содержались заключенные основного блока бывшей тюрьмы № 1,

а также 10 заключенных, содержащихся на цокольном этаже, где было оборудовано 14 камер, предназначенных, в частности, для одиночного заключения или заключенных, которые, по мнению тюремной администрации, должны были содержаться отдельно от остальных заключенных в интересах их собственной безопасности.

48. Начальник тюремной больницы г-н Е. Замбахидзе проинформировал Специального докладчика о том, что на лечении в лазарете находится 261 человек из числа лиц, содержащихся в предварительном заключении, и осужденных. Он пояснил, что, хотя лазаретом может оказываться широкий круг медицинских услуг, в сложных случаях больные направляются в гражданские клиники.

49. 23 февраля Специальный докладчик посетил тюрьму № 5, работающую в режиме следственного изолятора для женщин, и женскую колонию. В отделении предварительного заключения содержалось 108 человек, которые были размещены в оборудованных туалетом камерах по 4-6 человек. В этом отделении также имелась комната для собраний со своим туалетом, кушеткой, аквариумом и небольшой подборкой книг. 70 осужденных заключенных содержались в отдельном отделении с общими камерами открытого типа, предназначенными для круглосуточного пребывания. В лазарете этого блока располагалась комната для прикладных занятий и проведения досуга, которая также использовалась НПО в целях консультаций. Тюрьма № 5 была оснащена относительно современным оборудованием, поддерживалась в чистоте, и условия содержания в ней заключенных были удовлетворительными. Жалоб о жестоком обращении не было.

50. 24 февраля Специальный докладчик посетил тюрьму № 7, расположенную неподалеку от министерства внутренних дел. В ней содержалось 54 человека, как осужденных, так и лиц, заключенных под стражу до суда, которые размещались на двух этажах; восемь камер находилось внизу и семь - наверху. В тюрьме было также три комнаты для проведения допросов. Условия содержания заключенных в тюрьме № 7 были относительно более удовлетворительными, чем в тюрьме № 1; однако здесь также ощущалась проблема серьезной переполненности камер.

51. Специальный докладчик не получил никаких жалоб о жестоком обращении тюремного персонала с заключенными, и во многих случаях заключенные позитивно оценивали отношение к ним надзирателей, несмотря на состояние тюремных помещений. Принимая во внимание трудности с финансированием, Специальный докладчик в то же время отмечает, что существующее в тюрьмах положение дополнительно усугубляется структурными проблемами, проявляющимися в системе уголовного судопроизводства. В частности, вопреки действующим положениям об альтернативных мерах (включая,

например, 151-154 УПК) судьи, будучи сильно загруженными работой в результате судебных реформ и массовых увольнений членов судейского корпуса и, согласно широко распространенному мнению, слепо следуя требованиям прокурора, почти всегда прибегают к предварительному заключению обвиняемых, вне зависимости от тяжести предположительно совершенного деяния⁹. Это обостряет серьезные проблемы переполненности тюрем и ложится дополнительным бременем на и без того ухудшающуюся инфраструктуру. Даже используемые формулировки (например, гласящие, что соответствующие лица "приговариваются к предварительному заключению в тюрьмах") указывают на то, что не проводится четкого различия между предварительным заключением и лишением свободы после вынесения обвинительного приговора. Специальный докладчик считает, что чрезмерное использование такой меры, как предварительное заключение, противоречит принципу презумпции невиновности, закрепленному в статье 40 Конституции и статье 10 УПК, а также принципу, согласно которому мера пресечения в виде лишения свободы в соответствии с международным правом (пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах) должна носить исключительный характер.

IV. АБХАЗИЯ

52. 20 февраля 2005 года Специальный докладчик посетил изолятор, подведомственный министерству внутренних дел, где он встретился с де-факто заместителем министра внутренних дел г-ном Г. Леонидом, следователем прокуратуры города Сухуми г-ном Глазиновой, директором изолятора г-ном Вадимом и его заместителем. В одной из камер изолятора содержались женщины, заключенные под стражу до суда, и осужденные женщины, находившиеся там в течение срока от одного месяца до 10 лет, а также одна заключенная, приговоренная к смертной казни. В этой камере с плохим освещением и вентиляцией было темно и сыро. Источником тепла здесь служил раскаленный докрасна, оголенный нагревательный стержень, который просто лежал на кирпиче. В день посещения в камере содержалось 12 человек, т.е. максимально возможное количество заключенных, на которое она была рассчитана; вместе с тем, по словам заключенных, нередко в ней содержалось по 16-20 человек. В камере были необходимые спальные принадлежности и предметы для поддержания личной гигиены. Заключенные были лишены доступа к радио и телефону, не могли посылать или получать письма, и, за

⁹ См. сноску 4. Кроме того, начиная с 1 января 2006 года максимально допустимый срок содержания под стражей на стадии судебного разбирательства, в том числе в суде первой инстанции, апелляционном суде и кассационном суде, который в настоящее время составляет 32 месяца, будет сокращен до 12 месяцев. Правительство сообщило, что внесенные 25 марта 2005 года в УПК поправки предусматривают предпочтительное использование во всех случаях мер пресечения, не связанных с лишением свободы.

исключением физических упражнений на крыше продолжительностью 5 минут в день, они не имели никаких других возможностей для проведения "свободного времени". Надзиратели в изоляторе были исключительно мужчины. Медсестра-женщина работала по вызову, а врач, несмотря на его регулярные визиты, прописывал лишь болеутоляющие средства. Заключенные жаловались, что они не имеют доступа к специалистам, например гинекологу. Хотя какие-либо серьезные жалобы о грубом обращении отсутствовали, особое беспокойство вызывало положение одной заключенной. Эта женщина в возрасте 50 лет содержалась в заключении с 1994 года, была приговорена к смертной казни в 1996 году, но на нее распространялось действие нынешнего моратория на смертную казнь. Она была парализована вследствие болезни на протяжении последних трех лет и не проходила никакого курса лечения; каждый день ей помогал кто-нибудь из ее сокамерниц. Несмотря на обращенные к властям призывы, в том числе призывы самой тюремной администрации, в отношении ее освобождения по гуманитарным соображениям, никакого ответа получено не было.

53. Специальный докладчик также посетил одного заключенного-мужчину, содержащегося в камере смертников. Когда надзиратель снял замок с тяжелой железной двери, он не смог ее открыть. В конечном итоге только при помощи еще троих надзирателей, которым на это потребовалось приблизительно 5 минут, удалось отодвинуть засов и с трудом открыть дверь. Заключенный содержался один в слабо освещенной, плохо проветриваемой и сырой камере размером 3 x 4 м с отхожим местом, где было установлено двое двухъярусных нар. Он не делал никаких заявлений о жестоком обращении. Хотя заместитель министра сообщил, что заключенному разрешается покидать камеру для физических упражнений ежедневно, за исключением воскресенья, и что члены семьи имеют возможность регулярно посещать его, было ясно, что эту камеру уже очень долгое время не открывали.

54. Специальный докладчик отметил, что со стороны заключенных не поступало никаких серьезных жалоб о жестоком обращении, но выразил беспокойство по поводу того, что условия содержания под стражей во многом не отвечают международным стандартам. Он с обеспокоенностью отметил, что, несмотря на фактический мораторий на смертную казнь, в Абхазии она по-прежнему применяется, что является очевидным нарушением установленных Советом Европы соответствующих норм, действующих и в отношении Грузии.

V. ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

55. 25 февраля 2005 года Специальный докладчик посетил два пенитенциарных учреждения в Южной Осетии. В тюрьме в Цхинвали, где лица, содержащиеся в предварительном заключении, и осужденные были размещены в отдельных блоках, он

отметил, что в целом условия содержания под стражей не вызывают особых проблем. Камеры, в которых содержались как осужденные лица, так и лица, находящиеся в предварительном заключении, не были переполнены, и в них имелись необходимые постельные принадлежности, освещение, отопление и умывальники. Заключенным разрешалось проводить вне камер четыре часа в день, хотя они не имели возможности для образования, профессионального обучения и проведения досуга; близкие родственники могли их посещать, однако доступ в тюрьму сопряжен с определенными трудностями. Заключенные не могли пользоваться телефоном; сотрудники тюрьмы заявляли, что если бы они разрешили заключенным воспользоваться телефоном, то получили бы взыскание. Заключенные, даже заключенные-грузины, не жаловались на жестокое обращение со стороны тюремного персонала.

56. В следственном изоляторе министерства внутренних дел Специальный докладчик встретился с его начальником г-ном Ж. Ахмуразом. В изоляторе имелось семь камер в подвальном этаже, где в тот день содержались 23 заключенных. В среднем на одну камеру приходилось по трое заключенных; однако одна камера была переполнена, поскольку в ней содержалось пять человек. В камерах не было ни отопления, ни умывальников, ни туалетов. Хотя срок содержания лиц в предварительном заключении не должен превышать три месяца, это ограничение зачастую не соблюдалось. В некоторых камерах были установлены телевизоры, и заключенные говорили, что они имеют доступ к газетам и книгам, что им разрешено звонить по телефону и что два раза в месяц их могут навещать родственники. Заключенным разрешалось гулять четыре часа в день во внутреннем дворике размером 4 x 5 метров. Хотя никаких жалоб на жестокое обращение не было, Специальный докладчик отметил, что условия содержания под стражей во многом не отвечают международным стандартам.

VI. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

57. Специальный докладчик подчеркивает, что власти на всех уровнях признали существование проблем, изложенных в настоящем докладе. Он указывает на положительные примеры мер, принятых правительством, включая: создание механизмов контроля для посещения мест содержания под стражей, в том числе представителями гражданского общества; программу строительства современных мест содержания под стражей для замены существующих, например в Рустави и Кутаиси; и готовность правительства сотрудничать с международными организациями в осуществление рассчитанного на 2003-2005 годы Плана действий по борьбе против пыток.

58. **Специальный докладчик приветствует происшедшие с момента завершения его поездки изменения, ряд которых были рекомендованы в его предварительной записке (E/CN.4/2005/62/Add.3), включая: внесение 23 июня 2005 года поправки в статью 144 Уголовного кодекса в целях обеспечения того, чтобы понятие преступления пытки квалифицировалось в соответствии с определением, содержащимся в Конвенции, и наказывалось лишением свободы на срок от 7 до 15 лет; присоединение 9 августа 2005 года к Факультативному протоколу; и сделанное 30 июня 2005 года заявление о признании компетенции Комитета против пыток рассматривать жалобы отдельных лиц. Он далее приветствует поправки, недавно внесенные в УПК, и в частности положения, касающиеся преимущественной силы свидетельских показаний в суде по сравнению со свидетельскими показаниями, полученными в ходе расследования; возможности обжалования судебного решения, принятого в результате заключения соглашения о добровольном урегулировании проблемы признания вины, на таких основаниях, как мошенничество, ограничение прав на защиту, принуждение и запугивание; сокращения срока предварительного заключения; и предпочтительности использования по отношению к лицам, которые должны предстать перед судом, мер пресечения, не предусматривающих лишения свободы.**

59. **Во время своей поездки Специальный докладчик получил четкие гарантии от правительства Грузии, которое заверило его в том, что его рекомендации будут изучены самым серьезным образом. Он считает эту поездку плодотворным началом сотрудничества во имя достижения общей цели, а именно искоренения пыток и жестокого обращения в стране. Вышеуказанные последние изменения служат доказательством сотрудничества правительства в этой области.**

60. **Специальный докладчик рекомендует правительству Грузии следующее:**
Безнаказанность

а) **властям самого высокого уровня, особенно курирующим правоохранительную деятельность, следует безоговорочно заявить о том, что обстановке безнаказанности должен быть положен конец и что пытки и жестокое обращение со стороны государственных должностных лиц не останутся без последствий и за них будет осуществляться уголовное преследование;**

б) **судьи и прокуроры должны всегда спрашивать лиц, находившихся под стражей в полиции, о том, как с ним обращались, и даже при отсутствии официальной жалобы от подсудимого давать распоряжение о проведении медицинского освидетельствования;**

c) все утверждения о пытках и жестоком обращении должны оперативно и тщательно расследоваться независимым органом, не имеющим отношение к органу, проводящему следствие или уголовное преследование по делу против предполагаемого потерпевшего;

d) соглашения о полюбовном урегулировании, заключаемые с обвиняемыми, не должны наносить ущерба уголовному процессу, который может быть возбужден по факту утверждения о пытках и другом грубом обращении;

e) службы судебной медицины должны быть отнесены к ведению судебного или другого независимого органа, а не находиться в подчинении такого государственного органа, как полиция и учреждения пенитенциарной системы. Государственные службы судебной медицины не должны играть монопольную роль в деле судебно-медицинской экспертизы доказательств для целей судопроизводства;

f) любое должностное лицо, которому предъявлены обвинения в злоупотреблениях или пытках, включая прокуроров и судей, причастных к сговору в связи с пытками или игнорированию доказательств, должны немедленно отстраняться от выполнения своих обязанностей до суда и преследоваться в уголовном порядке;

g) потерпевшим должна предоставляться существенная компенсация, а также надлежащее медицинское лечение и услуги по реабилитации.

h) должны быть приняты необходимые меры для обеспечения и гарантирования независимости судебных органов при осуществлении своих функций в соответствии с международными стандартами (например, Основными принципами независимости судебных органов). Кроме того, должны быть приняты меры для обеспечения уважения принципа равенства состязательных возможностей обвинения и защиты в уголовном процессе,

Условия содержания под стражей

i) лица, совершившие ненасильственные правонарушения, должны быть освобождены из следственных изоляторов и к ним должны применяться меры пресечения, не связанные с лишением свободы (например, гарантии явки в суд, на любую другую стадию процесса и, в соответствующих случаях, исполнения судебного решения);

j) применение меры пресечения в виде заключения под стражу до суда в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом должно быть ограничено, особенно в случае ненасильственных, незначительных или средней тяжести правонарушений, и должно быть расширено использование не связанных с лишением свободы мер, таких, как залог и поручительство;

к) должен неукоснительно соблюдаться принцип раздельного содержания лиц, находящихся в предварительном заключении, и осужденных;

l) численность лиц, содержащихся в заключении, не должна превышать официальную пропускную способность соответствующего учреждения;

m) существующие учреждения должны быть переоборудованы, чтобы обеспечить соблюдение минимальных основных стандартов;

n) если применение не связанных с лишением свободы мер не позволит устранить проблему переполненности, надлежит построить новые центры содержания под стражей с достаточным количеством мест;

Профилактика

o) в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции против пыток следует создать подлинно независимый контрольный механизм, члены которого должны назначаться на фиксированный срок и не подлежать отстранению от должности, для инспектирования всех мест лишения свободы на территории страны. По мнению Специального докладчика, подобный механизм мог бы быть создан в рамках независимого национального органа по правам человека, учрежденного в соответствии с Парижскими принципами, возможно, на базе канцелярии народного защитника. Следует также наделить такой национальный орган полномочиями по расследованию утверждений о пытках и жестоком обращении, а также предоставить в его распоряжение необходимые финансовые и людские ресурсы и надлежащие институциональные возможности для эффективного выполнения его функций;

p) все следственные правоохранные органы должны ввести эффективные процедуры внутреннего контроля и дисциплинарного надзора за поведением своего персонала с целью искоренения практики пыток и жестокого обращения;

q) новые сотрудники правоохранительных органов должны проходить обстоятельную и всестороннюю подготовку, включающую в себя на всех этапах образование по вопросам прав человека и охватывающую такие вопросы, как эффективные методы проведения допросов и надлежащее использование полицейских средств, а кадровые сотрудники должны на постоянной основе проходить дальнейшую подготовку.

Абхазия и Южная Осетия

61. Многие из вышеуказанных рекомендаций, особенно рекомендации, касающиеся условий содержания под стражей, применяются *mutatis mutandis* к де-факто властям Абхазии и Южной Осетии. С особым акцентом на Абхазию Специальный докладчик рекомендует отменить смертную казнь.

Международное сотрудничество

62. Специальный докладчик рекомендует обратиться к соответствующим международным организациям с просьбой обеспечить оказание на согласованной основе помощи в принятии последующих мер в связи с вышеперечисленными рекомендациями, включая рассмотрение возможности учета данных рекомендаций в контексте будущего плана действий по борьбе против пыток в Грузии. С этой целью Управлению Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека следует и впредь прилагать усилия по обеспечению постоянного правозащитного присутствия в рамках страновой группы Организации Объединенных Наций и обеспечить уделение необходимого внимания Южной Осетии.

Добавление

Individual cases

By letter dated 9 March 2005, the Special Rapporteur notified the Government of allegations by the following persons, whom he interviewed during the mission. While the Special Rapporteur does not draw any conclusions as to the facts as they were provided to him, he concluded from the interviews that these persons were tortured to extract confessions. Moreover, their injuries were still visible at the time of the meetings, and had been well documented by independent forensic experts. As was evident to the Special Rapporteur from the meetings, these persons continued to suffer from the effects of torture and were in need of appropriate medical treatment and rehabilitation, which they were not receiving. This is compounded by their already lengthy pre-trial detention and the poor conditions in which they were detained, particularly in relation to Nodar Dudaev and David Mindadze. In this regard, and as an indication of mutual cooperation, the Special Rapporteur appealed to the Government to release the persons mentioned below from custody. The Government responded by letters dated 23 March and 9 July 2005.

1. **Giorgi Vashakidze**, a former Deputy Defence Minister, and **Eldar Gogberashvili**, both former members of the paramilitary organization Mhedrioni, and **Beniamin Saneblidze**, their driver. On 9 January 2004, they were arrested and taken to Saburtalo cemetery. For five hours, Eldar Gogberashvili and Beniamin Saneblidze were beaten in front of Giorgi Vashakidze with stones and handguns and subjected to simulated executions, in which the former Ministers of Security and Internal Affairs participated. Eldar Gogberashvili was dragged to a car, where his head was forced between the two front seats and he was choked. The two other men were put in the trunk. They were driven to the Tbilisi Head Department of Internal Affairs, where Eldar Gogberashvili and Beniamin Saneblidze continued to be beaten. Eldar Gogberashvili was trussed up to an overhead heating pipe with car seatbelts and forced to put on a gas mask with the air valve periodically closed. He was subjected to electric shocks on his fingers and ears. Beniamin Saneblidze was reportedly given electric shocks to his head and hands. They were tortured to extract confessions of involvement in an attempted coup but later in the alleged kidnapping of an executive of the United Bank of Georgia in December 2003, allegations which they denied. On 12 January, they were taken to the Vake-Saburtalo district court, where the judge ignored the allegations of torture, and they were remanded in pre-trial detention for three months. But rather than being taken to Prison No. 1, they were returned to the police station where they were held for an additional 18 hours. Eldar Gogberashvili continued to be tortured and eventually signed a confession to the kidnapping charge. They were not brought to Prison No. 1 until 13 January, where only cursory medical examinations were made. As a result of the torture, Beniamin Saneblidze was unable to sit up and had difficulties breathing. Medical examinations were

reportedly conducted at the request of the Public Defender's Office in April 2004. Eldar Gogberashvili had cigarette burns on his legs and scars consistent with the application of electric shock, which were still visible at the time of the Special Rapporteur's meeting with him at Prison No. 1 on 22 February 2005. He still experienced pain in his kidney region and burning sensations in his eyes. Until just prior to the Special Rapporteur's visit, he had been held in solitary confinement for most of his detention in Prisons No. 1 and No. 7 (where he was held from March to May 2004).

2. The Government reported that on 10 January 2004, the three men were arrested and the release of the kidnapped executive was secured. On 11 January, the three were charged with a number of offences under the Criminal Code in relation to the kidnapping. On 12 January, Eldar Gogberashvili, in the presence of his lawyer, pleaded guilty to the crime. After that, in the course of the preliminary investigation, he claimed several times that he was subjected to physical influence exerted by police officers and that his confession had been the result of beatings and inhumane and degrading treatment. He complained that high officials of the Tbilisi City Administration and Central Administration of the Ministry of Internal Affairs had threatened to shoot him and attempted to compel him to plead guilty at the time of his arrest on 10 January. He was also subjected to physical abuse in the Temporary Arrest Isolator of the Ministry of Internal Affairs. All the policemen involved in the arrest testified that once they had identified the alleged criminals driving the car, they tried to halt it. The suspects did not comply, but were eventually stopped. Although the police presented their identification to the three men, they violently resisted. Only by the use of legally permitted coercive measures were the police able to arrest them. According to the police officers, their use of special fighting methods, resorted to as urgent measures prompted by Eldar Gogberashvili's resistance, might have caused his alleged injuries. Forensic medical examinations proved that he had suffered minor injuries without any long-term adverse effects to his health. No traces of cigarette or electrical burns could be identified. An independent forensic examination report refers to the existence of traces of burns that could have been made by a lit cigarette but fails to determine the severity of the alleged injuries and is vague as to their date. The expert expressed the view that it was possible for the injuries to have been inflicted in the period of time claimed by the Eldar Gogberashvili. Further, the report is silent on the existence of electrical burns. The preliminary investigation concluded that the findings of the independent expert were unfounded and did not accept them. In view of the foregoing, the request to initiate a criminal case into the cause of his injuries was rejected by a decree of 30 June 2004. Concerning medical treatment, it is established that Eldar Gogberashvili arrived in Prison No. 1 on 12 January 2004. Having undergone a medical examination on 21 January 2004, which found his health status to be normal, there was no need for further treatment. He was later moved to Prison No. 7 and was held there from 9 March 2004 to 13 May 2004. Examined on arrival at Prison No. 7, his body was not marked with any kind of injuries. He was periodically provided medical aid and medicines, such as for heart disease and high blood pressure, and was

placed under the close supervision of the doctor. The care was considered to be effective. During his stay, his health status was not assessed to be serious. His isolation was for security reasons: he was marked for assassination by other inmates, who accused him of murdering a criminal. Solitary confinement proved to be the only way to ensure his safety. Special measures were applied in conducting his interrogation in full isolation from others. Today he shares a cell with Giorgi Vashakidze.

3. **Nodar Dudaev**, a 30-year-old cattle farmer from Artsevi village, South Ossetia. On 16 March 2004 at around 9 a.m., as he was approaching the gate to his farm, he was fired upon without warning by masked men, allegedly members of a special unit of the Georgian Ministry of State Security. He was struck several times in the chest and left shoulder, and then hit in the face with the butt of a rifle. He was thrown into the trunk of the attackers' car. His companion was thrown on top of him. Both men were driven to Gori, where Nodar Dudaev's companion was taken to a police lock-up, then to Prison No. 1 and released one month later. Nodar Dudaev was taken to Gori Hospital, and underwent emergency surgery for his gunshot wounds. One lung was removed, and a bullet still remains lodged close to his heart. He is almost blind in his right eye as a result of the facial injuries sustained. He was transferred to Prison No. 1 and then to the Prison Hospital. He was later transferred to Prison No. 7, where he is currently being held. The authorities allege that he was shot while resisting arrest, and he has been charged under article 19 of the Criminal Code. He has been detained now for almost one year, and the investigation has been closed for almost eight months. The case has reportedly been transferred to the Supreme Court. Following the meeting of the Special Rapporteur with Nodar Dudaev at Prison No. 7 on 25 February 2005, it was clear that he is not well informed about his legal situation, including what the charges are against him, nor the outcome of the investigations carried out. It was clear that his serious health condition, exacerbated by cirrhosis of the liver, warrants immediate provision of appropriate medical treatment and supervision. Moreover, the fact that he is detained in a cell with seven other prisoners in cramped conditions is completely inappropriate given the state of his health. The Special Rapporteur appeals on humanitarian grounds that Nodar Dudaev be transferred to the jurisdiction of South Ossetia, where he may receive the appropriate medical treatment and supervision.

4. The Government reported that on 16 March 2004, Nodar Dudaev was arrested by officers of the Ministry of State Security, following an armed stand-off. The officers resorted to the legally permitted means to overcome the armed resistance, which consequently caused him severe injuries. Nodar Dudaev was immediately taken to Gori District Hospital, where he survived as a result of the timely medical treatment. Considering that the lives of the officers were endangered by his acts, it was established that they were acting in circumstances of compelling necessity and did not exceed legal limits. Therefore, there is no ground for the initiation of a criminal case in this regard, and a decree of 1 September was issued to this effect.

Regarding the medical treatment provided to Nodar Dudaev, on 19 October, he was taken to the Prison No. 7 from the Prison Hospital. A medical examination there found evidence of gunshot wounds, and a forensic examination found the same. During his detention in Prison No. 7, he sought and received medical attention several times, including treatment by a cardiologist. He remains under the supervision of a doctor. Trial proceedings against Nodar Dudaev are under way. The Government submits that he was ensured all procedural guarantees granted under the Code of Criminal Procedure and international legal standards. Among other things, he was informed of the charge against him and was given adequate facilities for the preparation of his defence, in accordance with article 14(3) of the International Covenant on Civil and Political Rights. The Government of Georgia would never have expected to hear an appeal by a United Nations representative such as the one sent by the Special Rapporteur to transfer him to the so-called jurisdiction of South Ossetia. Nodar Dudaev was a national of Georgia and suspected of crimes against Georgian nationals in the territory of Georgia. It is beyond doubt that the criminal acts which he is alleged to have committed come within the exclusive jurisdiction of Georgia. South Ossetia forms an integral part of the territory of Georgia and statements about any kind of jurisdiction of South Ossetia demonstrates disregard for the territorial integrity of Georgia and seriously undermines the supremacy of the Georgian Government within the national territory. Exercise of criminal jurisdiction over a territory and the population living there is one of the principle corollaries of the sovereignty and equality of States; a principle unanimously recognized by the international community of States, and owes its origin to the Charter of the United Nations. Respect for the territorial integrity of States and inviolability of frontiers are principles enshrined in a number of General Assembly resolutions and further developed within the framework of the United Nations. It is unacceptable for a representative of the United Nations to make an appeal manifestly counter to these principles and calling into question the sovereignty of Georgia as an independent State.

5. **Gia Lobzhanidze** and **Valeri Kurtanidze**, who were the subject of an urgent appeal dated 9 June 2004 sent by the Special Rapporteur and the Chairperson-Rapporteur of the Working Group on Arbitrary Detention, for which no response has been received (E/CN.4/2005/62/Add.1, para. 683). According to the information received, on 22 April 2004, the two men were attacked by five or six armed men in Tbilisi at the entrance of the 5th block of Digomi District, and taken to the police department of the Didube-Chugureti Fegion. The police kicked and beat them with the butts of their handguns in order to make them confess to robbing a flat. When they refused, Gia Lobzhanidze and Valeri Kurtanidze were taken to the Tbilisi Head Department of Internal Affairs, where they were subjected to further torture. It is alleged that live wires were applied simultaneously to Gia Lobzhanidze's toes while his feet were drenched with water, as well as to his ears. He bit through his tongue and could not move it, speak properly or eat for several days. After he lost consciousness he was reportedly revived by the policemen with spirits. Following this, Gia Lobzhanidze, who is left-handed, was forced to write a confession with his right hand.

No medical care was provided. The court-appointed medical expert who examined Gia Lobzhanidze on 27 April 2004 concluded that the injuries he sustained were consistent with his account. The report further indicated that the men had been injured by a solid blunt object. Traces of an electric wire was also detected near Valeri Kurtanidze's ear. At present Gia Lobzhanidze and Valeri Kurtanidze are detained in Prison No. 1. When the Special Rapporteur visited Mr. Lobzhanidze in his crowded pre-trial cell at Prison No. 1 on 22 February 2005, he refused to speak with the Special Rapporteur, even in private, and it was apparent that he was still afraid to speak of his experience.

6. The Government reported that on 1 May 2004, the director of Prison No. 1 notified the Didube-Chughureti District Investigative Unit of the Ministry of Internal Affairs that Gia Lobzhanidze had been brought to the prison with injuries. The director cited a prison medical report which indicated that there were injuries on both edges of his tongue and on his right foot. It was not deemed necessary to provide medical treatment. The report also indicated that several small bruises were visible on Valeri Kurtanidze. Upon receipt of this notification an investigation was begun, in the course of which Gia Lobzhanidze and Valeri Kurtanidze stated that their injuries had been sustained before their arrest, that they had no complaints against the police and that they had never been subjected to ill-treatment while in the isolator. Since the beginning of the investigation in May 2004, they exercised their right to remain silent and refused to provide any explanations regarding their injuries. Only on 7 and 8 July, when they were interrogated in relation to charges against them, did they claim that they had been subjected to physical pressure at the Isolator of Temporary Arrest of the Ministry of Internal Affairs and in the prison, and were able to identify the perpetrators. They had an opportunity to raise the question of torture at their initial court hearing on 24 April 2004, and the court would have given due regard to their health status had they done so. Concerning the allegation that Gia Lobzhanidze was forced to write his confession with his right hand although he was left-handed, since there is no legal requirement to write a confession by hand, compelling a detainee to do so would not have been necessary. Concerning the allegations that the policemen sought to forcibly obtain confessions, no such confessions appear in their case files. As there were three defendants involved in the suspected offences, it begs the question why only two of them were allegedly tortured by the police to obtain confessions. If it were true, as he claimed, that the third individual was compelled to confess by being forced to watch the torture of Gia Lobzhanidze and Valeri Kurtanidze, it would not have been necessary for him to enter a plea to the charges against him, which he in fact did (i.e. he pleaded guilty to weapons offences but not burglary). During joint examinations of the defendants, the testimony of Gia Lobzhanidze and Valeri Kurtanidze was tentative. Except for one policeman, they hesitated to directly implicate the policemen seated before them. The policemen denied the allegations. The employees of the isolator who were on duty during the period 22-24 April 2004 were questioned and also denied the allegations. The allegations of ill-treatment in the prison were not supported by the prison's

director and doctor. On 27 July 2004, forensic examinations were conducted and the report concluded that the bruises on the tongue of Gia Lobzhanidze were not such to seriously affect his health, and that there were no visible bruises on Valeri Kurtanidze. Similarly, the report of the defendants' forensic expert concludes that the injuries of the two men were minor and not so serious as to affect their health. According to the expert: the bruises on the hand of Valeri Kurtanidze seemed to have been caused by a solid blunt object; the injury in the area of his ear might have been caused by electricity; and no trace of electric shock was found on the body of Gia Lobzhanidze. Given that the examinations by the defendants' expert began five days after their arrest, had the allegations been fact, the cause and time of any injuries should have been easy to identify. In view of the foregoing, the investigation established that the necessary elements to initiate criminal action into the alleged ill-treatment were absent, and a decree was issued to that effect on 8 August 2004. It was not appealed by Gia Lobzhanidze or Valeri Kurtanidze but the Investigative Division of the Procuracy reversed the decree and initiated an investigation on 31 May 2005. On 10 June, charges under articles 333 (3) (b) and 335 (2) (a) and (b) were brought against the Head of the Criminal Investigative Subdivision of the Tbilisi Didube-Chughureti Unit of the Ministry of Internal Affairs and five other policeman of the Subdivision. The Tbilisi City Court was requested to suspend them from duty and to impose a written undertaking from them not to leave the area while the proceedings were pending.

7. **Sulkhan Molashvili**, aged 35, former Chairman of the Chamber of Control. On 22 April 2004, he was summoned to the Tbilisi Office of the Public Prosecutor, where he was confronted with charges relating to corruption by an investigator of the Public Prosecutor's Office. On 23 April, on the order of the Vake-Saburtalo District Court, Sulkhan Molashvili was detained for a period of three months' pre-trial detention at the Tbilisi Head Department of Internal Affairs. Approximately 30 minutes after he was first brought to the basement cell of the station, he was blindfolded and taken by three or four uniformed men to a sixth floor office. He was seated on a chair with his hands handcuffed behind his back. The interrogators insisted that he confess to the charges. According to his medical history, he suffers from ischaemic heart disease, stenocardia, arterial hypertension, calculous cholecystitis and varicose veins. When he refused to confess, electric shocks were applied to his wrists and ankles, and his legs were beaten. His sweater was pulled up over his head and he was repeatedly burned with cigarettes. He was warned that if he revealed that he had been tortured his wife and children would be harmed. The same day he was moved to Prison No. 1 and then to the Prison Hospital. On 4 June, he was moved back to Prison No. 1, despite a deterioration of his health, including chest pains, a gall-bladder attack and a diagnosis of depression. He reportedly did not reveal that he had been tortured, out of fear, until July 2004. On 2 July, he was moved to a solitary cell in the basement of Prison No. 7. The cell was approximately 4 m² and had no lighting or adequate ventilation. On 5 July, the Tbilisi Office of the Public Prosecutor opened a criminal case in relation to the torture of Sulkhan Molashvili. Forensic examinations conducted by the State and by an independent expert on 6 and 9 July,

respectively, indicated lesions and scars consistent with the account of the treatment he described. On 16 July, Sulkhan Molashvili suffered a heart attack and was moved to the Prison Hospital. He has lost 25 kg since 4 June. On 22 July, the judge of the Investigative Panel of the Tbilisi District Court approved the prosecution's request for an extension of his detention for another three months, to 23 October. The Special Rapporteur met Sulkhan Molashvili at the Prison Hospital on 22 February 2005, where he remains in pre-trial detention. He stated that since 12 December 2003, he has been continuously harassed because of his allegations of governmental corruption.

8. The Government reported that Sulkhan Molashvili was arrested on 23 April 2004, at 2.50 a.m. The Tbilisi City Prosecutor's Office was dealing with the investigation. He was subsequently placed in Prison No. 7 of the Isolator of Temporary Arrest of the Ministry of Internal Affairs. In response to information published in the press, on 4 July, the Tbilisi City Prosecutor visited Sulkhan Molashvili in Prison No. 7, during which he claimed that on the night of 23 April he was taken from the isolator to one of the rooms on the upper floors of the building by unknown persons. There they tortured him with hot objects and an electrical device in order to obtain a confession. He further claimed that the perpetrators threatened that his family would be harmed if he disclosed the torture. On 5 July, a criminal case into the allegations of abuse of power by forcible means (article 332 of the Criminal Code) was opened. In the course of the investigation employees of the isolator, Prison Nos. 1 and 7, and the Prison Hospital, as well as a number of witnesses, were interviewed. A judicial decree has been obtained to access the medical records and other relevant documentation relating to Sulkhan Molashvili maintained by the Prison Hospital. On 5 July, a forensic examination was conducted and the findings included five oval scars on the left and right sides of his torso. They appeared to have been made with a hot object and were of slight severity. Although the exact date of the injuries could not be determined, they could not have been inflicted earlier than six months previously. On 3 August, at the request of the defence counsel, an independent forensic expert conducted an examination. Similar conclusions concerning the scars and their origins were drawn, and the same conclusions were arrived at by a joint commission of forensic experts on 14 August. Consequently, on 27 October, a criminal case was opened against the doctor of Prison No. 7 for failure of a State official to perform his duties (article 342 of the Criminal Code), particularly his failure to carry out an adequate examination of Sulkhan Molashvili. Similar charges were brought against the medical staff of Prison No. 1 and the Prison Hospital. Proceedings have been under way since 16 February 2005. It was their failure to examine the health of Sulkhan Molashvili that has prevented the investigations into the allegations to be conducted effectively. Concerning his medical treatment during his detention in Prison No. 7 from 2 to 16 July, he was provided treatment in accordance with particular symptoms. According to the prison registry, on 5, 15 and 16 July, he was treated by a doctor. On 16 July he was taken to the Prison Hospital. The Government has a special interest in ensuring that the investigation is conducted in compliance

with international and national norms. As an indication of the Government's interest, a number of international organizations have been requested to render assistance, namely in the area of medical expertise; however no responses have been received yet. Moreover, a number of key factors hinder the progress in the investigations. The information regarding his injuries was reported long after he was arrested (i.e. he was arrested on 23 April and his injuries were reported on 4 July). This has complicated the determination of the origin and condition of his injuries. Most crucial to the investigation is the precise determination of the date of the injuries, but this remains impossible. After the case was opened, Sul Khan Molashvili refused to cooperate with the investigating authorities. On 6 July he exercised his right to remain silent; on 7 July he gave his first statement; and only on 20 September did he confirm his previous testimony. On each occasion he did not provide any useful information for the investigation, but rather promised to provide additional information if he considered it appropriate. His testimonies were vague and inconsistent, and he continues to refuse to identify the perpetrators without specifying any reasons. While it is claimed that the injuries on his feet were caused by electric shock, it is common knowledge that he suffers from varicose veins, for which he was receiving medical treatment, which he himself confirms. In conclusion, due regard should be given to the fact that beatings and torture are usually resorted to as a means of forcibly obtaining confessions from accused persons. There existed enough evidence to prove the guilt of Sul Khan Molashvili for his suspected crimes, and there was no need for his confession. Therefore, there was no motive on the part of the law enforcement authorities to have perpetrated the alleged ill-treatment.

9. **David Mindadze**, aged 27. On 13 May 2004, at around 10 a.m., near the Varketili Metro Station, Mr. Mindadze was arrested on suspicion of attempted murder. He was brought to the Tbilisi Head Department of Internal Affairs and taken to an office on the twelfth floor. He was seated on a chair with his hands handcuffed behind his back. He refused to confess, and the policemen began to beat him with truncheons, hit him with an iron lock in the face, and applied electric shocks to his legs and feet. He was beaten with a plastic beverage bottle filled with water. The Deputy Minister of Internal Affairs, an investigator of the Public Prosecutor's Office and a lawyer also participated in the beatings. His wife and infant daughter were threatened. The treatment lasted until around 3 p.m., after which he was taken down to the basement cell. His family was not informed of his whereabouts for three days. Among his injuries were a fractured temporal bone and upper jaw. He subsequently developed epilepsy, and he suffers from disturbed sleep, flashbacks, blackouts, loss of vision, memory difficulties, headaches and tremors. On 16 May 2004, he was remanded in pre-trial detention and transferred to Prison No. 7. Upon his transfer, he did not indicate to the doctor at the prison the nature of his injuries because he was afraid and exhausted. At the request of his lawyer, a criminal case into the torture claim was initiated by the Public Prosecutor's Office and in November 2004, the Office reported that there was no evidence of torture. On appeal, the Tbilisi District Court upheld the appeal, which was confirmed by the Supreme Court in February 2005, and the case was returned to the

Public Prosecutor to reinvestigate the torture claim. At the time of the Special Rapporteur's visit with David Mindadze at Prison No. 7 on 24 February 2005, he had been in detention for almost 10 months and, despite his poor health, has remained in pre-trial detention in Prison No. 7 for much of this time.

10. The Government reported that on 13 May 2004, David Mindadze was arrested by members of the Search Unit of the Tbilisi City Police on suspicion of attempted murder. On 8 October 2004, the Procuracy received a complaint from the wife of David Mindadze that an investigator of the Tbilisi City Prosecutor's Office and officers of the Central Office of the Ministry of Internal Affairs had beaten and tortured her husband to obtain a confession. Annexed to the complaint was a report from a torture victims' rehabilitation and treatment centre supporting the findings of ill-treatment. Based upon the complaint the Procuracy commenced an investigation. All persons having any connection with the circumstances described in the complaint were questioned and necessary information obtained by different agencies. There were inconsistencies in the statements given by David Mindadze, who later denied the involvement of persons whom he earlier alleged had taken part in the beatings. Reports of the treatment centre, David Mindadze's wife and an NGO were biased and based primarily on his assertions. For example, the centre's report states, "the current physical and psychological status of the patient does not exclude the possibility that he had been subjected to physical and psychological influence and torture that might have resulted in this kind of deterioration of his psychological condition." The report speaks about David Mindadze's alleged ill-treatment in terms of "possibilities" and likelihood and fails to reliably set out any definite conclusions. Moreover, the report of the centre indicates the existence of a skull fracture as evidenced by computer tomography, which contrast with the findings of the examination conducted on 18 October 2004 by the Forensic Medical Expertise Centre and the Diagnostics Institute of Radiology. As there appeared to exist substantial inconsistencies between the two sets of reports, additional experts were consulted. On 12 November 2004, a multi-institutional team of experts, which included the author of the original tomography report, carried out an examination, and found that there were no injuries to the skull of David Mindadze. According to the following persons, the allegations of David Mindadze are unsupported: the alleged perpetrators; the medical personnel and the director of Prison No. 7; witnesses; the Chairman of the Vake-Saburtalo District Court and the secretary of the court session; a video operator; his relatives; and a neighbour. One psychologist explained that the mental condition of David Mindadze is typical for those suffering from phobic neurosis, which is caused by fears developed as a result of stress. Being detained and charged, according to the expert, is sufficient to drive an individual to phobic neurosis. Further, beatings and torture can by no means be considered the only grounds giving rise to this pathology. A doctor who examined David Mindadze on 13 May 2004 stated that he told the doctor nothing about ill-treatment; a visual examination found no marks of physical violence and that his mental state was a result of his alarm at being arrested, given that he was wanted by the authorities. While

David Mindadze claimed he was beaten by police officers on 13 May, a videotape of him being brought back to the crime scene on the same day clearly shows no visible injuries and that he could move without difficulties. It is likely that the injuries he complains of were inflicted by inmates in the prison. The nature of the circumstances within the prison makes it difficult to recreate the events there. Based on all of the foregoing, the Procuracy decided not to open a criminal case into the allegations, and a decree was issued to that effect on 17 November. On 6 December, the decision was appealed to the Tbilisi Krisanisi-Mtatsminda District Court. On 23 December, it reversed the decree and recommended that the Procuracy examine particular factual circumstances before considering whether to bring a criminal case. This decision was appealed by the Procuracy to the Cassation Chamber of the Supreme Court. On 8 February 2005, the Court upheld the District Court's decision, and on 24 February a criminal case was opened on the crime of torture (article 126 of the Criminal Code). Presently, new investigations are under way into the allegations, including, among other things, further analysis of the above-mentioned videotape. On 19 February, David Mindadze was moved from the Prison Hospital to Prison No. 7. Upon his arrival, no injuries were visible on his body. He is receiving care and is under close observation by the prison doctor.

13. Ms. **Ketevan Lotishvili**, aged 41. On 29 May 2004, at around 4 p.m., Ms. Lotishvili was arrested at her house in Tbilisi in connection with a theft of a television set from a neighbouring house. She was taken to the Isani-Samgori District Police Station. At around 3 a.m. she was taken into the office of a male investigator, who opened a box containing a collapsible truncheon and struck her on the head and neck with it. He interrogated her about other thefts in the area. Despite the attempts of another investigator to intervene, he continued to hit her, striking her in the kidney area and probing the truncheon on various parts of her body. She was later brought back to her cell. About one hour later, the male investigator returned, using abusive language and continued to question her, indicating that he would let her go if she confessed. On 1 June, she was brought to the women's colony, Prison No. 5. Upon arrival, out of fear, she did not indicate her injuries during the medical examination. However, two days later, she developed a severe headache, and revealed her treatment to the neuropathologist, who examined her. Although she receives medication, she still experiences pain in her kidneys. At the time of the Special Rapporteur's visit with Ms. Lotishvili at Prison No. 5 on 23 February 2005, she had been in pre-trial detention for a burglary charge for over eight months, a clear example of how easily the courts resort to pre-trial detention, especially in circumstances which do not give rise to a risk of absconding or tampering with evidence.

14. The Government reported that Ms. Lotishvili was arrested on 29 May 2004. When she was first put in Prison No. 1, on 1 June, an examination revealed a minor abrasion on her right upper eyelid for which no medical treatment was necessary. On 16 June, the Head of the Penitentiary Department of the Ministry of Justice was notified by the prison administration of the injury. At

the initiative of the prison director, a forensic examination was conducted and concluded that the injury had been caused by a solid blunt object, and its gravity was not such as to impair her health. Ketevan Lotishvili stated that the injuries were sustained before her arrest at home, and she does not make any claims against the officers of the Ministry of Internal Affairs. The investigation revealed that she was a chronic alcoholic who was frequently involved in domestic disputes with her husband. Indeed, on 27 May, two days before her arrest, she was involved with a dispute with her husband. Concerning the allegations of ill-treatment by the police officers, the issue of the initiation of action against them was not even considered, as the likelihood that they had caused the alleged injuries was very marginal. For this reason, on 1 July 2004, a decree was issued declining to initiate a criminal case against the police officer. On 13 February 2005, she was moved to Prison No. 5 (Women), where she was medically examined upon arrival and no injuries were detected. According to the prison doctor, Ketevan Lotishvili suffers from headaches and bouts of dizziness, likely as a result of earlier concussions. She is being provided with adequate treatment. Her detention pending trial was required by the interests of justice.

15. **George Migriauli**, aged 28. On 9 October 2004, at 2 a.m., unknown persons in masks entered his house, assaulted him and his family, and took him away to the office of Archil Babajanashvili, the Gori District Prosecutor. He was beaten by the prosecutor and his deputies in order to make him confess to bribing officials. George Migriauli was forced to sit with his back against a wall and was beaten on the head and body. A wet rag was wrapped around his head and he was struck with an instrument. After he lost consciousness, he was revived with cold water. He was burned with cigarettes on his abdomen and struck with open palms simultaneously on his ears. When he asked for a lawyer, the prosecutor put the muzzle of a gun in his mouth and pretended to fire it. He repeated this act numerous times. Mr. Migriauli sustained bruises, scarring and a concussion. He was warned not to reveal that he had been beaten. David Tsituri, the Shida Kartli Regional Prosecutor, approached George Migriauli's family and demanded a GEL 10,000 plea-bargain settlement to secure his release. Despite the payment having been made, George Migriauli was not released and eventually signed a confession. He was transported at 6 a.m. the next day to the police lock-up, where he was held for about three days. At the initial court hearing, the judge remanded him to three months' pre-trial detention. When he arrived at the facility at 3 p.m., the staff informed the Gori Branch of the Public Defender's Office, which facilitated medical treatment for him. Despite the doctor's recommendation that he be transferred to a hospital, the prosecutor's office did not issue the order for the transfer. Upon the intervention of the Public Defender's Office, the General Prosecutor's Office announced that a criminal case concerning torture had been opened. George Migriauli was later transferred to the Prison Hospital, and is presently free on his own recognizance. The district and regional prosecutors have since resigned from their posts. The Special Rapporteur met with George Migriauli at UN House, Tbilisi, on 24 February 2005.

16. The Government reported that on 11 October 2004, officers of the Inspection General questioned Giorgi Migriauli in the Gori Isolator of Temporary Arrest of the Ministry of Internal Affairs. He denied any ill-treatment and explained that his injuries were the result of a struggle with unknown persons in the Kaspj District prior to his arrest. His brother and cousin confirmed this account. At his first appearance before the court, Giorgi Migriauli denied that he had been assaulted physically or verbally during arrest and investigation. On 13 October, after being put in the hospital, he changed his statement and alleged that unlawful acts had been committed by the Gori District Prosecutor. On 15 October, the Office of the Prosecutor General opened a criminal case into the crime of compulsion to provide evidence committed in aggravated circumstances (article 335(2) of the Criminal Code), and directed the Office of the Inspector General of the Procuracy to conduct an investigation. A number of witnesses have been questioned, and forensic and other examinations have been carried out. There are some other inquiries still pending. Giorgi Migriauli is currently receiving medical care from a torture victim treatment and rehabilitation centre. The forensic examinations are expected to be finalized when his treatment is completed. On 15 January 2005, the Prosecutor General extended the three-month period of investigation to 15 March, and again to 15 May. After the case on compulsion was initiated, Giorgi Migriauli was released on bail. Shortly thereafter, he filed a statement with the Prosecutor General partially denying that the procuracy officers had ill-treated him. On 21 March 2005, he appeared before the investigators and testified about inhumane treatment by the former Gori District Prosecutor, who has been charged under articles 118, 147 and 335(2) of the Criminal Code. Although Giorgi Migriauli denied that the former Deputy Gori District Prosecutor was involved, he was also charged in relation to the crime. On 27 April 2005, the Mtatsminda-Krtsanisi District Court ordered the former Gori District Prosecutor to provide a written undertaking that he would not leave the area pending the proceedings. From 17 May 2005 to 3 June, complex forensic examinations were conducted with respect to the injuries sustained by Giorgi Migriauli.

17. Concerning the issue of compensation to victims and their families, the Government reported that where cases are still under investigation, it is not possible to decide on compensation. When a decree is issued dismissing a case of alleged ill-treatment, it follows that requests for compensation are also dismissed.
